

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Левин Г.Д. Что есть информация? // Философская мысль. 2024. № 12. DOI: 10.25136/2409-8728.2024.12.72481
EDN: SPIUME URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72481

Что есть информация?

Левин Георгий Дмитриевич

доктор философских наук

ведущий научный сотрудник; сектор теории познания; Институт философии РАН

117534, Россия, г. Москва, ул. Чертановская, 47, корп. 2., кв. 45

✉ g.d.levin@mail.ru

[Статья из рубрики "Философия познания"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2024.12.72481

EDN:

SPIUME

Дата направления статьи в редакцию:

27-11-2024

Дата публикации:

05-12-2024

Аннотация: Информация понимается в статье как универсальная определенность бытия, находящаяся по степени общности на одном уровне с материей и энергией (Н. Винер). Такое ее понимание называют панинформистским. Предлагается определение так понимаемой информации, охватывающее все ее разновидности, и на его основе в генетической последовательности рассматривается специфика каждой из них. Сначала исследуется информация, заключённая в неживых предметах, затем генетическая информация, заключенная в молекулах ДНК, РНК и белка, после этого – информация, функционирующая в неодушевленных организмах. Это создает основу для исследования субъективной информации, заключенной в феноменальном мире субъекта, а затем и для анализа компьютерной информации. Параллельно исследуются способы трансляции информации, специфические для каждой из ее разновидностей. Сопоставляются особенности синтетической и матричной трансляции, выясняется их роль в эволюции материального мира. Мировоззренческой основой исследования являются реализм и

последовательный детерминизм, а также и принципы сохранения и монизма. В качестве конкретных методов исследования используются генетический подход и метод дистинкций. Основным результатом проведенного исследования является обоснование тезиса, согласно которому информация как универсальная определенность бытия в зависимости от континуального или дискретного стиля мышления может быть представлена как форма, структура или отношения, входящие в состав предмета и транслируемые к другому предмету, одновременному с ним или следующему за ним во времени. В последнем случае трансляции делятся на синтетические и матричные. Показан, что под это определение подходит и субъективная информация Предлагаемое определение информации обладает следующими эвристическими достоинствами: 1) представляет все типы информации как виды одного рода, что позволяет исследовать отношения между ними на основе принципа монизма; 1) выявляет генетическую связь между ними, что позволяет представить их как исторические этапы в развитии материального мира; 3) создает методологическую основу для обсуждения «трудной проблемы сознания»; 4). позволяет взглянуть на три типа человеческой деятельности: познание, коммуникацию и практику – как на три этапа движения информации.

Ключевые слова:

Информация, коммуникация, формальная
объективная информация, субъективная
панинформизм

причина, форма, структура, отношение,
информация, генетическая информация,

Гранты: 1. РГНФ. 1997 – 1999. 95-06-17840а. Анализ и синтез в истории науки и в современном научном познании. Рук. 2. РГНФ. 1999 – 2001. 99 – 03 – 19633а Проблема универсалий. Р3. РФФИ. 2001 – 2003. № 01-06-80205а. Теория диалога. Рук.4. РГНФ. 2003 – 2005. № 03-0300638а. Философские категории. Рук.5. РГНФ 2004. № 04-03-1608д. Издание монографии: Левин Г.Д. Проблема универсалий. Современный взгляд М. 2005.6. РГНФ. 2004 – 2006. 04-03-00093а Теоретическое знание, понимание и мифотворчество. Исп.7. РГНФ. 2006 – 2008. № 06-03-00325а. Истинность и рациональность. Рук.8. РГНФ. 07-03-1645Д. Издание монографии: Г.Д. Левин. Философские категории в современном дискурсе.9. РФФИ. 2007 – 2009. 07-06-00476. Релятивизм в современной науке.

Состояние проблемы. Вопрос «Что есть информация?» сходен с вопросом «Что есть истина?» Понтия Пилата не только по грамматической форме, но и по значению для философии. Именно поэтому он исследуется разными теориями с разных сторон и в разных терминах. Каждая из этих теорий и терминологических традиций имеет право на существование только в том случае, если открывает тот аспект общего для них предмета, который не виден с других точек зрения. Цель статьи - показать, что философская теория информации соответствует этому критерию, причем для ее разработки, вполне достаточно совершенствовавшейся веками классической гносеологической терминологии. Именно поэтому до конца еще не сформировавшаяся терминологию философии сознания я буду использовать минимально.

Задача выявить признак, присущий всем разновидностям информации, не только исключительно важна для науки, но и исключительно трудна. Об этом свидетельствует уже тот факт, что насчитывают около ста разных по смыслу определений термина «информация» [1]. О трудности этой задачи свидетельствует также и тот «невероятный, но очевидный» факт, что в определениях информации, даваемых даже выдающимися

исследователями, содержатся грамматические, логические и даже смысловые некорректности. Вот лишь несколько примеров:

Н. Винер: «Информация есть информация, а не материя и не энергия» [[2], с. 208]. Первая часть этой фразы - тавтология, а вторая - отрицательное определение, которое считается в логике ошибкой.

Л. Бриллюэна: «Негэнтропия эквивалентна информации» [[3], с.273]. Но если «информация» и «негэнтропия» - синонимы, значит один из терминов - лишний.

В.М. Глушков: «Информация в самом общем ее понимании представляет собою меру неоднородности распределения материи и энергии в пространстве и во времени» [4]. Но что такое мера? Единица измерения? Нет? А что?

А.Д. Урсул, основоположник отечественных философских исследований информации, считает, что ее «можно определить ... как отраженное разнообразие» [[5], с 229]. По грамматическому смыслу слов получается, что информация - это не отражение, не образ разнообразия, а само разнообразие. Едва ли автор хотел сказать именно это. Не помогает и его пояснение: «Информация – это разнообразие, которое один объект содержит о другом объекте» [[5], с 229]. Выделенная курсивом часть фразы бессмысленна, бессмысленна, следовательно, и вся фраза.

Причин таких «невероятных, но очевидных» грамматических, логических и смысловых неувязок, на мой взгляд, две. Во-первых, все цитированные авторы - профессиональные физики и математики. «Информация» же - философская категория. И точно так же, как для определения категорий физики требуется физический профессионализм, для определения информации требуется профессионализм философский. А профессионализм в одной науке не заменяет профессионализма в другой. Об этом прекрасно сказал выдающийся методолог науки М. Вебер, который писал по поводу методологических рассуждений историка Э. Майера: их «можно уподобить диагнозу не врача, а самого пациента, и в качестве такового их следует по достоинству оценивать и трактовать» [[6], с.416]. Без анамнеза, т.е. описания болезни самим больным, профессиональный медицинский диагноз невозможен. И философский ответ на вопрос «Что есть информация?» должен опираться на ответы, которые дают представители конкретных наук, но не сводиться к ним.

Вторая причина обсуждаемых неувязок - это невероятная трудность самого вопроса. И когда ответ на него начинает «брехнуть» в сознании исследователя, он стремится выразить его, не считаясь ни с грамматикой, ни с логикой, ни подчас даже с точностью смысла. Главное сейчас - поймать и зафиксировать мысль, все остальное можно сделать потом. А это значит, что и читатель, изучая существующие определения информации, обязан сквозь все грамматические, логические и даже смысловые неувязки текста понять то, что уже понял и пытался сказать автор. Подойду с этой методологической установкой к приведенной выше формуле Н. Винера «Информация есть информация, а не материя и не энергия» [[2], с.208].

Что такое панинформизм? Начну несколько издалека. Термин «*informatio*» употреблял еще Цицерон, но в Европе он стал широко применяться лишь в XV веке, когда увеличился обмен знаниями и возникла потребность в термине, обозначающем не знание само по себе, а знание, передаваемое от одного лица к другому. В России потребность в таком термине возникла несколько позже, в XVII веке. Было предложено несколько претендентов на его роль: «известие», «сообщение», «сведения», «данные»,

«информация». Категориальный смысл получил последний термин.

Первоначально он означал обычное знание, выраженное в языке и передаваемое от одного лица к другому. Но постепенно общность этого термина росла. Сначала в его денотат были включены знания, которыми обмениваются высшие животные, обладающие *субъективной реальностью*. Затем было признано, что информацией обмениваются и организмы, не обладающие субъективной реальностью, в том числе растения и даже вирусы. Настоящей революцией в эволюции термина «информация» стало открытие *генетической информации*. Расширение его денотата достигло предела, когда было заявлено, что информация и ее трансляция существовали в неживой природе до возникновения жизни. Такую предельно общую трактовку информации называют *панинформизмом* [[7], с. 223]. С панинформистами полемизируют исследователи, убежденные, что история информации начинается с истории жизни на Земле.

Объективность и материальность. Сказанного об эволюции термина «информация» достаточно, чтобы вернуться к формуле Винера. Прежде всего, ясно, что автор – панинформист: он ставит информацию на один уровень с материей и энергией. А как информация связана с материей и энергией? Это уже философский вопрос, и чтобы ответить на него, необходимо отмежеваться от знаменитого определения материи, данного В. И. Лениным: «материя есть объективная реальность, данная нам в ощущении» [[8], с. 149]. Без знания этого определения студент когда-то не мог рассчитывать даже на тройку, да и сегодня оно упоминается многими как само собой разумеющееся. Дело в том, что в существовании объективной реальности убеждены все реалисты: как материалисты, так и *объективные идеалисты*. Расходятся они по вопросу о том, из чего состоит объективная реальность, что представляет собой ее *первосубстрат*. Объективные идеалисты убеждены, что он тождествен первосубстрату субъективной реальности: это идея, дух, мысль, сознание. Материалисты же убеждены, что он отличен от субстрата субъективной реальности и *первичен* по отношению к нему. Это ставит их перед вопросом, от которого избавлены идеалисты: что *конкретно* представляет собой этот первосубстрат объективного мира, первичный по отношению к субъективному миру и его первосубстрату? Ответить на него материалисты пытаются со времен Фалеса. Вот один из современных ответов: «Самые большие оптимисты полугласно принимают, что дно материи уже достигнуто, и ниже фотонов, лептонов и кварков, создающих, по предположению, адроны, некуда опускаться. Просто оптимисты допускают еще один уровень специфичных материальных субстратов, с высказанный или задней мыслью, что он должен быть последним... Для третьих наиболее перспективным является указатель, на котором написано: «все есть вакуум и все от вакуума» [[8], с.с. 246 – 247].

Дилетантское спутывание Лениным объективности мира с его материальностью, возведённое в ранг краеугольного положения диалектического материализма, принесло много бед отечественной философии. Если же его устраниТЬ, то станет ясно, что *информация*, которая не является ни материей, ни энергией, объективна, но не материальна. Она не состоит из материи, но связана с ней. Понять эту связь – и значит понять природу информации. Но для этого нужно конкретизировать представление о материи как первосубстрате объективного мира.

Гиломорфизм и атомизм. В рамках материализма существуют два понимания первосубстрата мира – континуальное и дискретное. Контигуальное представлено аристотелевской доктриной гиломорфизма (*hylo* – дерево, затем – материя, *morphe* – форма), дискретное – атомизмом Демокрита. На основе принципов гиломорфизма первосубстрат мира мыслится как некая бесформенная масса, делимая до бесконечности. В эту чистую материю извне вносится чистая форма, и так возникает

первичная оформленная материя. Затем в нее также извне снова вносится форма, в итоге возникают предметы, например, из глины - кувшин, а в итоге - и мир в целом.

А вот с точки зрения Демокрита первосубстратом мира являются его далее неделимые части, атомы. Первые предметы возникают в результате того, что атомы встают в отношения друг к другу. Возникающие в результате первые целостности снова встают в отношения друг другу, и в итоге возникает мир во всем его разнообразии. Предмет исследования у гиломорфизма и атомизма один, различны способы его описания. Формулу Винера можно исследовать на основе того и другого. Сначала испытаем гиломорфизм.

Он позволяет устранить из формулы Винера тавтологию. Получается: информация есть *форма*, а не материя, и не энергия. Возникает естественный вопрос: почему Винер сам не внес в свою формулу это совершенно очевидное уточнение?

Это уточнение позволяет увидеть связь информации с материей и энергией: *информация есть форма*, вносимая в материю энергией. Правда, философы, в отличие от физиков, предпочитают говорить не об энергии, а о движении. Тогда получается: *информация есть форма*, вносимая в материю движением. Но разница между этими двумя формулировками не принципиальна, поскольку энергию традиционно понимают, как «единую общую меру качественно различных форм движения материи, сохраняющуюся при их взаимопревращениях» [[9]с. 563].

Однако это узкое понимание информации, поскольку формой обладают не только предметы, но и процессы. Но я упрощу себе задачу: начну с рассмотрения информации, заключенной в предметах, и трансляции информации, понимаемой как перенос формы от одного предмета на другой предмет. Классический, обсуждаемый вот уже более двух тысяч лет пример такого переноса - оттиск печати на воске. При этом я использую генетический подход: начну с исследования простейшей разновидности объективной информации - той, что существует в неживой природе. Это позволит выявить не только ее специфические черты, но и признаки, общие ей с информацией более высоких типов. После этого останется лишь выявить специфические черты этих последних.

Три вида причинной связи. Аристотель придавал переносу формы от одного предмета к другому большое значение. Даже чувственное познание трактуется им как перенос формы из познаваемого предмета в душу человека: «Ощущение есть то, что способно принимать формы чувственно воспринимаемых [предметов] без [их] материи, подобно тому, как воск воспринимает оттиск печати без железа и без золота» [[10], с. 73]. Важно видеть, что в этом примере информацией является форма не только оттиска печати на воске, но и форма самой печати. Форма печати первична, форма оттиска печати вторична. Первую условимся называть *информацией-для*, вторую - *информацией-от*. Информация-от не просто вторична по отношению к информации-для. Она соответствует ей. Трансляция информации имеет место только в том случае, когда имеет место это соответствие. Это верно для информации всех типов, в том числе и субъективных.

Принципиально важная деталь: в примере Аристотеля на воск, строго говоря, переносится не только форма печати, но и часть ее материи (золота), а также часть заключенного в ней движения (тепла). Золото печати по Аристотелю является материальной причиной, заключенное в ней движение - движущей, а форма - формальной. Получается, что трансляция объективной информации - это одна из трех разновидностей причинной связи. Для понимания природы как информации, так и ее трансляции эти три формы причинной связи необходимо сопоставить.

Главное сходство между материальной, движущей и формальной причиной заключается в том, что они порождают свои следствия в полном соответствии с **принципом сохранения и принципом монизма**. Принцип сохранения состоит из двух частей: 1) ничто не возникает из ничего и не превращается в ничто; 2) то, что прибыло в одном месте, убыло в другом, и наоборот. В материальной и движущей причинной связи работают обе части этого принципа: теплота камня, нагреваемого Солнцем, «прибыла» в камень только потому, что «убыла» из Солнца. Причина порождает следствие тем, что становится следствием. Именно эта мысль выражена в латинской формуле *«aequat causa effectum»*, *«тождество причины следствию»*.

А вот в *формальной* причинной связи работает только первая часть принципа сохранения: оттиск формы печати на воске возник *не из ничего*, а только потому, что до его возникновения уже существовала форма самой печати. Однако после его возникновения форма печати *не «убыла»*. Эта закономерность работает в трансляции не только объективной, но и субъективной информации. Если я дам тебе яблоко, говорит Б. Рассел, то у меня будет на одно яблоко меньше, но если я дам тебе идею, количество идей у меня не уменьшится. Для понимания трансляции информации учет этой ее особенности имеет принципиальное значение.

Такое же значение для понимания трех типов причинной связи имеет **принцип монизма**. Во времена Демокрита и Аристотеля он выражался формулой *«подобное испытывает от подобного»*. Под подобием при этом имелось в виду сходство тех предметов, между которыми происходит обмен материей, энергией и информацией. Например, дерево «испытывает» от железа потому, что оно подобно железу, т.е. также обладает массой, энергией и пространственными характеристиками.

В трансляции объективной информации принцип монизма проявляется в том, что и носитель информации-для, и носитель информации-от обладают массой, энергией и пространственными характеристиками. Когда этого сходства между объектами нет, взаимодействие между ними невозможно, невозможен, следовательно, и обмен информацией. На этом эвристические возможности гиломорфного, континуального, аристотелевского видения мира для понимания природы информации, пожалуй, исчерпаны. Испытаем теперь эвристические возможности атомистического, дискетного, демокритовского мировоззрения.

Дискретная трактовка объективной информации. Дискретное понимание объективной информации выражается двумя существенно разными парами философских категорий. В первом случае «форма» заменяется «структурой», а «материя» - «элементами», во втором «форма» заменяется «отношением», а «материя» - «носителями отношения». Связь структуры с отношениями достаточно очевидна: это совокупность отношений, образующих систему из ее элементов. Труднее увидеть связь структуры и отношений с формой. Ее блестяще проанализировал выдающийся болгарский философ Д. Михалчев в великолепной книге *«Форма и отношение»* [11]. Я опираюсь на полученные им результаты.

В рамках дискретного видения мира трансляцию информации, например, оттиск печати на воске, можно представить либо как перенос структуры от одной системы на другую систему, либо как перенос отношений между компонентами одного предмета на другой предмет. Категории «отношение» и «носители отношения» являются более тонкими, хотя и более громоздкими инструментами исследования, чем «структура» и «элементы». Именно поэтому я буду использовать преимущественно их. Если выразить на них формулу Н. Винера, то получится: *информация — это отношения, образующие предмет*

из его компонентов и способные к переносу на другие предметы. На этот же язык можно перевести и приведенную выше формулу Л. Бриллюэна «Негэнтропия эквивалентна информации». Для этого достаточно учесть, что негэнтропию традиционно понимают как упорядоченность, организованность системы. Упорядоченной же системе делают отношения между ее элементами и их все более сложными ансамблями. Следовательно, информация, заключенная в системе, — это отношения между ее элементами, способные к переносу на другие системы.

Трансляция информации от существующих предметов к возникающим. До сих пор я рассматривал трансляцию объективной информации на материале одновременно существующих предметов, например, печати и воска. Теперь необходимо рассмотреть трансляцию информации от реально ее существующего материального носителя к возникающему, от предка к потомку. Возьмем предельно элементарный пример такой трансляции: перенос информации, заключенной в разрозненных молекулах хлорида натрия (поваренной соли), растворенных в воде, к возникающему из них *кристаллу хлорида натрия*. Процесс возникновения такого кристалла состоит из двух этапов: сначала возникает *зародышевой кристалл*, а затем на его основе вырастает основной. Трансляция информации на первом этапе заключается в том, что внутренняя структура реально существующих молекул хлорида натрия детерминирует структуру возникающего кристалла. Такой способ трансляции информации называют *синтетическим*. На втором этапе структура возникшего зародышевого кристалла детерминирует структуру соседних частей. Такой способ трансляции информации называют *матричным*.

В основе матричного способа трансляции информации лежит принцип монизма, выражаемый формулой *подобное притягивается подобным*: из смеси веществ, в которую погружен уже возникший зародышевый кристалл, он притягивает только такие молекулы, из которых состоит сам, а затем ставит их в такие отношения, в которых находятся составляющие его молекулы. В итоге структура возникающей части кристалла дублирует структуру существующего. Эту разновидность матричной трансляции информации называют *репликацией*.

Здесь возникает проблема. Репликация — это самовоспроизведение предмета, а оно считается специфическим признаком живого. Этот пример показывает, что между неживым и живым нет резкой границы, и потому зародышевые формы самовоспроизведения встречаются уже в неживой природе, в частности, при образовании кристаллов.

Генетическая информация. В ходе эволюции неживой природы на основе существующей в ней объективной информации возникает генетическая информация, воплощенная в так называемых живых молекулах — ДНК, РНК и белка. Генетическая информация сходна с информацией, заключенной в неживых предметах, в том, что она представляет собой отношения между входящими в эти молекулы атомами — углерода, водорода, кислорода и азота. Сегодня она описана с точностью до отношений между отдельными атомами. Я рассмотрю ее с чисто гносеологической точки зрения, не вникая в профессиональные тонкости генетики. Начну с молекулы ДНК.

Как и кристалл, исторически она формируется в два этапа. На первом, *синтетическом*, в так называемом первичном бульоне, возникает зародышевая (первичная, материнская) молекула ДНК. На втором, *матричном* этапе на ее основе как на матрице возникает дочерняя ДНК. Это классический случай репликации, также описанный с точностью до атомов и отношений между ними.

Ясности нет в понимании природы первичного, синтетического этапа трансляции генетической информации. Здесь противоборствуют две точки зрения. Согласно первой здесь все происходит точно так же, как и при формировании зародышевого кристалла: разрозненные атомы углерода, кислорода, водорода и азота, находящиеся в первичном бульоне, объединились в молекулу ДНК. *Физическая информация*, заключённая в этих атомах и представляющая собой отношения между образующими их элементарными частицами, детерминирует генетическую информацию, представляющую собой те отношения, которые объединяют эти атомы в молекулу ДНК.

Но против этой совершенно естественной точки зрения выдвигают столь же естественное возражение. *Возможность* для объединения атомов углерода, кислорода, водорода и азота в молекулу ДНК безо всякого вмешательства извне заложена в этих атомах. Но когда математики подсчитали степень этой возможности, оказалось, что она *пренебрежимо мала*. Но молекулы ДНК существуют, это факт. И если в атомах, из которых они состоят, возможностей для объединения их в эту молекулу недостаточно, значит, нужно искать еще одну причину их возникновения «на стороне». Несложные размышления приводят в выводу, что ею может быть только Творец всей природы. В этой связи вспоминается ответ П. Лапласа на вопрос Наполеона, почему в его космологической теории не упоминается Творец: «Я не нуждался в этой гипотезе». Этот ответ можно обобщить: любая теория является научной, пока она не нуждается в этой гипотезе.

Это возвращает наши надежды к «наивной» гипотезе, согласно которой первые молекулы ДНК и заложенная в них генетическая информация возникли в результате реализации возможностей, заложенных в тех атомах, из которых эти молекулы состоят. Для обоснования этой гипотезы главным является тот факт, что вероятность возникновения молекул ДНК и закодированной в ней генетической информации внутри неживой природы и по ее законам *не равна нулю*. Следовательно, вопрос стоит так: достаточно ли времени существования Земли и существующего на ней количества, чтобы эта *не равная нулю* возможность превратилась в действительность?

Но оставим этот вопрос в стороне, примем, что первичная молекула ДНК и заключенная в ней генетическая информация так или иначе возникли. Возникновение всех других «живых» молекул вместе с заключенной в них генетической информацией совершается матричным методом. Возникновение дочерних молекул ДНК происходит в результате репликации. На их основе возникают молекулы РНК, содержащие новый тип генетической информации, т.е. новый тип отношений между образующими их атомами. Этот второй тип матричной трансляции информации называют *транскрипцией*. На третьем этапе информация из молекулы ДНК транслируется в молекулу белка. Этот тип матричной трансляции информации генетики тоже называют *трансляцией*.

Биологическая информация. На основе этих трех разновидностей генетической информации возникает *биологическая информация*. Она по-прежнему представляет собой *отношения*, но уже не между атомами в макромолекуле, а между макромолекулами и образованными из них частями организмов. Это усложнение материальных носителей информации ведет к усложнению и самой информации и появлению у нее новых свойств. Одно из них состоит в следующем. Генетически первые организмы лишиены субъективной реальности и потому не имеют целей, не способных к целесообразному поведению. Но их геном наделяет их поведение свойством, которое называют *квазицелесообразностью*: эти организмы принимают информацию извне и транслируют вовне собственную информацию так, что объективно, на самом деле эти трансляции способствует их гомеостазу, а также продлению их жизни и жизни их рода, т.е. т.е. онтогенезу и

филогенезу. В неживой природе такое поведение невозможно.

Следующий качественный скачок в эволюции форм информации и способов ее трансляции связан с появлением нервной системы. В этом случае на предмет Б переносится не только информация, заключенная в предмете А, но и информация, заключённая в предмете, воздействующем на А. Например, паук реагирует не только на сотрясение паутины, но и на попавшую в нее жертву.

Нематериальность объективной информации. Итак, я рассмотрел три типа объективной информации: 1) существующую в неживой природе, 2) генетическую и 3) биологическую. Было показано, что в зависимости от стиля мышления каждую из них можно представить как форму предмета, как его структуру и как отношения между его компонентами. Все эти три типа объективной информации обладают особенностью, над которой размышляли еще Платон и Аристотель, и которую легче всего увидеть на материале отношений: они не состоят из материи и потому не обладают физическими атрибутами: массой, энергией и пространственными характеристиками. Следовательно, они не могут оказывать физического воздействия на физические предметы. Такое воздействие оказывают лишь предметы, объединенные отношениями в предметы более высокого типа, например, атомы, объединённые в молекулу.

Субъективная реальность и субъективная информация. Сказанного о трех типах объективной информации достаточно, чтобы обратиться к исследованию субъективной информации. А для этого, в свою очередь, необходимо во всей полноте осознать три «странных» субъективной реальности, в состав которой она входит.

Первая из этих странностей заключается в том, что в повседневной жизни мы не делим мир на субъективный и объективный, не «удваиваем» его: я вижу стол, а не образ стола, стол и его зрительный образ для меня слиты, выступают как один предмет. Эту странность чувственного восприятия мы не замечаем просто потому, что привыкли к ней, как привыкают к устойчивому запаху. На этой «лжи во спасение» зиждется практическая деятельность не только людей, но и высших животных. Именно благодаря ей кошка вцепляется в мышь, а не в свои глаза. Иногда, впрочем, вера в то, что предмет и его чувственный образ - это одно и то же, нас подводит, например, в галлюцинациях.

Попытки теоретически объяснить эту «странность» нашей субъективной реальности и заключенной в ней субъективной информации породили две философские системы: **презентационизм**, возводящий этот житейский *наивный реализм* в ранг философского мировоззрения, и **солипсизм**, согласно которому реально существуют только чувственные образы вещей, которые мы по *наивности* принимаем за объективно существующие вещи, слитые с этими чувственными образами.

Презентационизму и солипсизму как двум объяснениям психологического совпадения чувственного образа предмета с самим предметом противостоит **реализм**. Он «раздваивает» объективно-субъективный мир индивида на объективный и субъективный и тем самым открывает *вторую странность* субъективной реальности. Дело в том, что она дана человеку непосредственно, в ее существовании он просто не может сомневаться, а вот существование за ее границами объективной (трансцендентальной, трансцендентной, внешней, физической и т.д.) реальности он должен себе доказать. Декарт попытался сделать это с помощью знаменитого «*cogito ergo sum*». Кант признал эту попытку неудачной и назвал «скандалом для философии» необходимость «принимать лишь на веру существование вещей вне нас» [[12], с.101].

С третьей «странностью» субъективной реальности реалист сталкивается при попытке

обнаружить ее не в своей голове, а в голове другого человека. С помощью самых современных приборов он может обнаружить в его голове лишь компоненты его мозга, протекающие в нем электрохимические процессы и отношения между этими компонентами и процессами, т.е. *объективную информацию*. У исследователя, получившего такой результат, возникает соблазн заявить, что ничего там больше и нет. От этого вывода его удерживает лишь наличие собственной субъективной реальности. Перед нами «скандал для философии», не уступающий по масштабам тому, о котором писал Кант. Если оба «скандала» объединить, то получается: изнутри *субъективной реальности* нельзя убедиться в существовании *объективной*, а изнутри *объективной* - в существовании *субъективной*.

Но рассмотрим точку зрения реалиста, который разрешил для себя все эти трудности. Он убежден в существовании и объективной реальности за границами собственного сознания, и в существовании сознаний других людей. Рассмотрим проблемы, которые при этом возникают.

Проблема сознания и мозга. Мир, находящийся за границами субъективной реальности данного конкретного индивида, распадается на две неравные части: ту, которая находится в пространственных границах его мозга, и ту, которая находится за этими границами. Вопрос об отношении субъективной реальности индивида с той объективной реальностью, которая заключена в пространственных границах его мозга, является одной из сторон основного вопроса философии, вопроса об отношении объективной и субъективной реальности. Он исследовался на протяжении всей истории познания. Именно поэтому сегодня он формулируется чуть ли не полудюжиной способов: 1) как проблема сознания и мозга, 2) как проблема психики и мозга, 3) как психофизиологическая проблема, 4) как *mind-brain problem* (ее важно отличать от *mind-body problem*, которая относится ко всему телу, а не только к мозгу), 5) как трудная проблема сознания (*hard problem of consciousness*). Именно в этой последней формулировке эта проблема исследуется в современной философии сознания. Подчеркивают, что она является трудной только в том случае, если исходить из первичности мозга и задаваться вопросом, каким образом он порождает сознание^[59].

Вот как суть этой проблемы выражает один из ее ведущих отечественных исследователей Д.И. Дубровский: «Как объяснить связь явлений СР (субъективной реальности, – Г.Л.) с мозговыми процессами, если первым нельзя приписывать физические свойства (массу, энергию, пространственные характеристики), а вторые ими необходимо обладают?» [[13], с. 15]. По существу, это вопрос о том, как объяснить связь мозга и субъективной реальности на основе одного из ключевых принципов научного исследования – *принципа монизма*. Классики философии сознания, что не могут ответить на этот вопрос, и называют эту ситуацию *разрывом в объяснении*, *explanatory gap*.

Но для теории информации нет никакой необходимости исследовать отношение всего содержания субъективной реальности индивида ко всему содержанию объективной реальности, заключенной в его мозге. Достаточно рассмотреть отношение *субъективной информации*, заключенной в субъективной реальности индивида, к *объективной информации*, заключенной в его мозге и представляющей собой систему отношений между различными областями мозга и между протекающими в нем электрохимическими процессами. После такого радикального сужения проблемы разрыв в объяснении снимается. Ведь эти отношения объективны, но не материальны. Они не состоят из материи и, следовательно, не обладают ни массой, ни энергией, ни пространственными характеристиками. Это позволяет так переформулировать вопрос Д.И. Дубровского: как

объяснить связь не обладающей физическими признаками субъективной информации, заключенной в субъективном мире индивида, с также не обладающей физическими признаками объективной информацией, заключенной в его мозге?

Здесь важно различать два вопроса: 1. Как мозг порождает *объективную информацию*, т.е. систему отношений между его частями и протекающими в нем электрохимическими процессами? 2. Каким образом так понимаемая *объективная информация* порождает *субъективную*, и как последняя оказывает обратное влияние на первую. Первый вопрос решается классическими научными методами. Второй вопрос является «трудным» только потому, что основан на пресуппозиции, которая представляется настолько очевидной, что даже не формулируется явно: *субъективная информация и объективная информация сосуществуют рядом и взаимодействуют между собой.*

На естественный вопрос, *как возможно такое взаимодействие*, логически возможны три ответа: 1. У *современной* науки нет средств для ответа на этот вопрос, но со временем они появятся. 2. Средствами классической науки этот вопрос не решается; нужны *неклассические* методы. 3. Вопрос не имеет смысла, поскольку основан на ложной пресуппозиции: никаких двух взаимодействующих между собой информации в голове человека нет; там находятся только мозг, изученный до мельчайших деталей, так же тщательно изученные протекающие в нем электрохимические процессы отношения (в том числе и связи) между этими частями и этими процессами.

Но те философы, которые, по выражению Платона, признают существующим лишь то, за что они могут крепко ухватиться руками, этот третий компонент внутреннего содержания мозга просто не замечают. Если же его разглядеть, то возникает следующая «совершенно безумная» гипотеза: *Объективная информация, представляющая собой систему отношений между областями мозга и протекающими в нем электрохимическими процессами, и субъективная информация, находящаяся в феноменальном мире субъекта* - это не две разные информации, существующие рядом и взаимодействующие между собой, а одна и та же информация, рассматриваемая с противоположных позиций: изнутри, с позиций первого лица, и извне, с позиций внешнего наблюдателя. Вот несколько аргументов в поддержку этой гипотезы:

1. Она снимает проблему объяснительного разрыва.
2. Она просто объясняет тот «тайный» факт, что физическими характеристиками не обладает не только субъективная, но и объективная информация.
3. Она поддерживает один из ключевых тезисов философской теории информации, согласно которому любую информацию, в том числе и субъективную, можно в определенном аспекте представить как систему отношений между компонентами ее материального носителя, а трансляцию информации - как перенос этих отношений от одного материального носителя к другому.
4. Ситуации, когда один предмет принимали за два разных предмета, достаточно типичны в истории познания. Хрестоматийный пример: планету Венеру долго принимали за два небесных тела - Утреннюю и Вечернюю звезду.

На последний аргумент можно возразить: утверждение, что Утренняя звезда и Вечерняя звезда - одно и то же небесное тело, не содержит *внутреннего противоречия*, а утверждение, что структура электрохимических процессов головного мозга индивида и его субъективный мир - это одна и та же сущность, рассматриваемая с разных сторон, воспринимается как противоречие.

Принцип дополнительности и проблема сознания и мозга. Однако противоречащие друг другу утверждения об одном и том же предмете тоже нередки в истории науки. Знаменитый пример: экспериментально установленный факт, что в одних экспериментах свет ведет себя как поток волн, а в других - как поток корпускул. Физики воспринимали эти бесспорные экспериментальные результаты как противоречащие друг другу. Выход в 1927 году предложил Н. Бор. Он заявил, что эти экспериментальные результаты не исключают, а дополняют друг друга. Так возник знаменитый *принцип дополнительности* Н. Бора. Он существует в двух интерпретациях. Первая основана на тезисе Гегеля, который Н. Бор усвоил через С. Кьеркегора и который гласит: действительность противоречива, и потому логически противоречивые высказывания могут быть истинными. Вторая интерпретация принципа дополнительности оставляет закон противоречия в покое, но предлагает повременить с его применением к противоречащим опытным данным. Их нужно принять, а ответ на вопрос, как они возможны, оставить будущим поколениям. Не исключено, что для этого в данной конкретной науке придется сменить всю систему понятий.

Сегодня принцип дополнительности в обеих его интерпретациях приобрел общеметодологический статус. М.А. Розов, например, применяет его при исследовании социальных процессов [[14]с. 153 - 181]. Я принимаю второй его вариант: предлагаю признать, что фиксируемые приборами отношения между электрохимическими процессами, протекающими в мозге индивида, с одной стороны, и непосредственно данная ему субъективная информация, с другой стороны, - это одна и та же реальность, а ответ на вопрос, как это возможно, отложить до того времени, когда наука откроет необходимые для этого средства. Надежду та то, что это произойдет, во мне укрепляет тот факт, что мозг является самым сложным из известных сегодня предметов научного исследования [[15], с18] и в нем наверняка содержится то, «что и не снилось нашим мудрецам».

Но не следует и преувеличивать отличие этой гипотезы от традиционной точки зрения. В решении некоторых научных проблем они работают одинаково, например, при сопоставлении процессов, протекающих в сознании субъекта, с процессами, протекающими в его мозге. Делается это сопоставлением отчетов исследователя мозга с отчетами исследуемого. Эти сопоставления можно делать как на основе убеждения, что сравниваются два разных и взаимодействующих процесса, так и на основе убеждения, что это один и тот же процесс, рассматриваемый с двух разных сторон. В первом случае исследователь сталкивается с *разрывом в объяснении*, а во втором - с тем самым противоречием, которое принцип дополнительности позволяет «взять в скобки».

Мне ближе второй вариант. На его основе процесс познания объективного мира можно представить следующим образом. Объективная информация, заключенная в познаваемом предмете и представляющая собой систему отношений между его компонентами, трансформируется в результате воздействия этого предмета на органы чувств субъекта в систему отношений между компонентами этих органов чувств, затем систему отношений между компонентами электрохимических процессов, протекающих в нервной системе субъекта и, наконец, в структуру процессов, протекающих в высших отделах его головного мозга. Здесь-то и происходит то, чего с точки зрения здравого смысла не может быть никогда: перед самим субъектом эти отношения предстают как его субъективная реальность.

На основе положения о тождестве объективной информации, заключенной в мозге субъекта, с субъективной, заключенной в его феноменальном мире, можно описать и процесс, парный познанию - практику: отношения между процессами, протекающими в

мозге индивида, сначала трансформируются в отношения между процессами в его нервной системе, затем - в отношения между компонентами его целесообразных действий и, наконец, в отношения между компонентами созданных им предметов или процессов. Тем самым подтверждается один из ключевых тезисов, отстаиваемых в статье: любую информацию, заключенную в предмете, можно представить либо как его форму, либо как его структуру, либо как отношения между его компонентами, а любую трансформацию информации - как перенос их от одного материального носителя к другому.

Взаимосвязь субъективной информации с объективной, воплощенной в языке. Многие исследователи не любят дистинкции, поскольку они умножают проблемы. Среди проблем, порождаемых различием объективной и субъективной информации, одна из самых трудных - это вопрос о соотношении информации, существующей в субъективном мире индивида, с той объективной информацией, которая представляет собой отношения между буквами, словами и предложениями естественного языка. В исследовании этого вопроса весьма эвристичным является использование философских категорий «сущность» и «явление»: субъективную информацию, находящуюся в феноменальном мире индивида и непосредственно доступную только ему, можно представить, как *сущность*, а отношения между буквами, словами и предложениями естественного языка, в которых эта информация закодирована, и которая доступна всем знающим этот язык - как проявление *сущности*. Кодирование субъективной информации в тексте можно представить как переход от сущности к формам ее проявления, а чтение текста, т.е. его раскодирование, - как обратный процесс. Этот подход избавляет от трактовки структуры языковых выражений не как объективной информации, а как объективно существующих знаний, чем грешил даже К. Поппер в своей теории объективного знания [[17], с. 96-110].

Различие субъективной и объективной языковой информации позволяет различить и два информационных процесса: саморазвитие субъективной информации в рамках феноменального мира и развитие объективной информации, в которой закодирована субъективная информация по правилам грамматики, логики и математики. Между этими двумя информационными процессами существует соответствие, которое в процессе исторического развития, с одной стороны, субъективной информации, а, с другой, естественного языка становится все более строгим. На каком-то этапе повышения строгости этого соответствия появляется возможность абстрагироваться от него и рассматривать трансформацию языковых выражений по правилам грамматики, логики и математики как самостоятельный процесс на манер шахматной игры. Восстановление связи языковых выражений с той субъективной информацией, для выражения которой они и были созданы, совершается лишь по завершении этих преобразований. Первоначально так обрабатывали математическую информацию. Затем так же стали обрабатывать и содержательные тексты.

Качественно новый этап в эволюции информации как универсальной определенности бытия наступил, когда обработку объективной информации по правилам грамматики, логики и математики передали неживым предметам. Это сначала удалось сделать с математическими текстами. Возникли абаки, затем механические калькуляторы, электронные калькуляторы и наконец компьютеры. Затем этот же путь прошла и содержательная языковая информация, функционирующая по правилам логики. Произошло отрицание отрицания: объективная информация снова стала возникать, трансформироваться и транслироваться на основе неживых предметов без участия людей. Но произошло это на высшей ступени эволюции информации как универсальной

определенности бытия. Сегодня возникновение, трансформация и трансляция компьютерной информации - это предмет целой теории. В рамках исследования этапов эволюции информации как универсальной определенности бытия я, не вникая в технические детали, предельно кратко осуществляю ее гносеологический анализ.

Компьютерная информация. Компьютерной называют информацию, «захваченную на машинном носителе или передаваемую по телекоммуникационным каналам в форме, доступной восприятию ЭВМ» [\[16\]](#). В компьютере нет ни субъективной реальности, ни субъективной информации. В нем заключена только объективная информация, представляющая собой систему отношений между ее материальными носителями. Для конкретности я буду говорить о компьютерной информации, записанной на ферромагнитных дисках. В роли материальных носителей здесь выступают его ячейки, способные намагничиваться и размагничиваться, а в роли объективной информации - отношения между этими ячейками и их все более сложными системами.

В неживой природе, существовавшей до возникновения жизни, отношения между предметами целиком детерминировались внутренним содержанием этих предметов. Отношения, составляющие содержание компьютерной информации, «вставляются» между их носителями (в нашем примере - между ячейками магнитного диска) извне, волей программиста. По правилам, также созданным программистом, эти отношения возникают, трансформируются и транслируются.

Следовательно, компьютерная информация не первична. Она является лишь формой проявления сущности, например, объективной информации, заключенной в естественном языке, которая сама, в свою очередь, является формой проявления более глубокой сущности - субъективной информации, существующей в феноменальном мире субъекта. Чтобы превратить эту последнюю в компьютерную информацию, с ней нужно провести три радикальные процедуры. Во-первых, выразить ее в объективной информации, заключенной в естественном языке; во-вторых, абстрагироваться от связи этой объективной информации с той субъективной, формой выражения которой она является; в-третьих, перевести эту объективную информацию с естественного языка, содержащего несколько десятков букв, на компьютерный язык, содержащий всего две буквы, в нашем примере - намагниченные и ненамагниченные ячейки компьютерного диска. Ненамагниченную ячейку обычно обозначают цифрой 0, а намагниченную - цифрой 1. Отсюда цифровой называют и информацию, заключенную на магнитном диске и представляющую собой отношения между его ячейками. Это несколько сбивает с толку.

Эти последовательности намагниченных и ненамагниченных ячеек и отображающих их единиц и нулей могут быть любой конечной длины, что позволяет им содержать любое конечное количество информации. Но возникает вопрос, имеющий принципиальное значение для всей философской теории информации: что представляет собой **минимальное количество компьютерной информации**, бит, и что представляет собой ее **минимальный материальный носитель**?

Рассмотрю этот вопрос на популярном в компьютерной литературе примере - светофоре, управляемом компьютером. Для начала предельно упрощу этот пример. Пусть перед нами переезд через железную дорогу, регулируемый только красным светом, который управляется компьютером, подключенным к видеокамере. Компьютер включает светофор, когда видеокамера фиксирует пересечение поездом переезда и выключает, когда поезда нет. Для выполнения этой работы на магнитном диске компьютера достаточно активизировать только одну ячейку: поезд идет - ячейка намагничивается (1) - светофор включается; поезд прошел - ячейка размагничивается (0) - светофор

выключается. Эти два противоположных состояния одной ячейки являются, с одной стороны, информацией-от (от видеокамеры), а, с другой, информацией-для (для светофора).

Теперь усложним пример: пусть переезд регулирует трехцветный светофор. Для управления им в компьютере необходимо активизировать уже две ячейки. Отношения между ними могут представлять собой уже не две, а четыре объективные информации: поезда нет - обе ячейки не намагнечены (00) - светофор зелёный; поезд приближается первая ячейка намагничена, вторая нет - (10) - светофор желтый; поезд проходит через переезд - обе ячейки намагнечены (11) - светофор красный; поезд удаляется - первая ячейка намагничена, вторая - нет (01) светофор снова желтый.

Возникает вопрос, принципиальный для всей теории информации: так что же представляет собой элементарное, атомарное количество любой объективной информации: одно из двух противоположных свойств материального объекта (намагнченность - ненамагнченность) или бинарное отношение между двумя материальными объектами? Выше я упрощал дело - трактовал объективную информацию как систему отношений между компонентами материального объекта, способную к переносу на другой объект. Контрпримером этой трактовки является случай с красным светофором, где в роли объективной информации выступало не отношение между объектами, а свойство одного объекта. Этот контрпример вынуждает внести в эту классическую теорию информации существенное дополнение. Как следует из второго примера, намагнченность и ненамагнченность ячеек тесно связана и отношением между ними: они являются его основаниями. Это позволяет утверждать, что в роли объективной информации могут выступать не только отношения, но и их основания, а в роли материальных носителей информации - не только пары, тройки и т.д. объектов, между которыми существуют эти отношения, но и отдельные объекты - носители оснований этих отношений.

Подведу итог. Обсуждение природы информации нельзя завершить. Его можно только остановить. Я останавливаю его здесь и кратко резюмирую сказанное.

Информация трактуется в статье как универсальная определенность бытия, существующая как в неживых предметах, так и в феноменальном мире человека. Так понимаемая информация в истории человеческого познания фиксировалась в трех категориях: «форма», «структура» и «отношение». Ключевым для понимания природы информации является деление всех ее разновидностей на объективные и субъективные. Истолковать все разновидности объективной информации как форму, структуру или отношения сравнительно нетрудно. Проблема возникает при подведении под эти категории субъективной информации. Для решения этой проблемы в статье приводятся аргументы в защиту гипотезы, согласно которой субъективная информация, существующая в феноменальном мире индивида, тождественна той объективной информации, которая существует одновременно с ней в высших отделах его головного мозга. Эта гипотеза обладает следующими эвристическими достоинствами:

1. Представляет все типы информации как виды одного рода, что позволяет исследовать отношения между ними на основе *принципа монизма*.
2. Выявляет генетическую связь между всеми видами информации, показывает, как именно, в строгом соответствии с законами материального мира информация, существующая в неживых предметах, трансформируется в биологическую, в том числе генетическую, та - в информацию, существующую в феноменальном мире людей и,

наконец, в компьютерную информацию.

3. Создает методологическую основу для исследования вопроса о взаимосвязи процессов, протекающих в субъективном мире индивида, с физиологическими процессами, протекающими в его мозге.

4. Представляет три вида человеческой деятельности: 1) исследование природы, 2) передачу результатов исследования другим лицам и 3) применение их на практике - как три способа переноса информации от одного материального носителя к другому.

Библиография

1. Саврухин А. П. Информация как понятие и термин. savrukhan.narod.ru/information.doc
2. Винер Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. М.: Наука, 1983. 344 с.
3. Бриллюэн Л. Научная неопределенность и информация. М.: Мир, 1966. 271 с.
4. Глушков В. М. О кибернетике как науке // В.М. Глушков Кибернетика, мышление, жизнь. М.: Наука, 1986. С.с. 53-61.
5. Урсул А. Д. Природа информации. Философский очерк 2-е издание. Челябинск, 2010.231 с.
6. Вебер М. Критические исследования в области логики наук о культуре // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс 1990. 801 с.
7. Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм // Ленин В.И. Полное собрание сочинений, т.18. М. Издательство политической литературы 1968. 423 с.
8. Петров С. Методология на субстратния подход. София. Издателство Наука и искусство. 1980. 293 с.
9. Алексеев И. Энергия //Философская Энциклопедия в 5-х т. под редакцией Ф. В. Константинова. Т. 5. М.: Советская энциклопедия. 1970. 563-564.
10. Аристотель. О душе. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. 180 сс.
11. Михалчев Д. Форма и отношение. София: Университетското издателсство св. Климент Охридски. 1914. 547 с.
12. Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Собрание сочинений в 6 томах, т.3. М.: Мысль 1964. 795 с.
13. Дубровский Д. И. Проблема «Сознание и мозг». Теоретическое решение. М.: Канон+. 2015. 208 с.
14. Розов М. А. Теории социальных эстафет и проблемы эпистемологии. М.: Новый хронограф 2008. 353 с.
15. Садовничий В. А. Искусственный интеллект и суперкомпьютер // Философия искусственного интеллекта. М.: ИНТЕЛЛ. 2017. .С.с. 17-27.
16. Понятие компьютерной информации. URL <https://studfile.net/preview/2568476/page:2/>.
17. Левин Г. Д. Проблема "третьего мира" в современной эпистемологии // Эпистемология и философия науки.-2014.-№ 1.С. с. 96-110.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия

на статью «Что есть информация?»

Предметом исследования статьи является обоснование тезиса о том, что философская теория информации соответствует критерию научности, что для ее анализа достаточно совершенствовавшейся веками классической гносеологической терминологии. Автор ставит задачу выявления признака, присущего всем видам информации, считает, она может быть решена только в философском поле, так как информация является философским, а не физическим или математическим понятием. Автор указывает на логически противоречивые определения информации, которые даются представителями различных областей науки. Автором анализируются различные виды информации – генетическая, биологическая, компьютерная и т.д.

Методология предметной области исследования включает исторический метод, метод категоризации, дескриптивный метод, метод анализа и др. Автор также использует сравнительно-сопоставительный подход, исследуя различные подходы к пониманию природы информации.

Актуальность заявленной темы определяется необходимостью философского осмыслиения информации, поскольку информация рассматривается как философская категория. В современном информационном обществе философское осмысление информации, безусловно, является актуальной проблемой.

Научная новизна работы обусловлена тем, что в ней информация трактуется в статье как универсальная определенность бытия, существующая как в неживых предметах, так и в феноменальном мире человека. Автором рассмотрены вопросы трансляция информации от существующих предметов к возникающим, передачу результатов исследования другим, применение их на практике, способов передачи информации от одного материального носителя к другому. Очевидно, что гипотеза автора нуждается в дальнейших исследованиях и проработке деталей в его аргументации.

Статья написана научным языком, претензий к стилю изложения нет. Структура соответствует требованиям, предъявляемым к научному тексту. Однако бросается в глаза ошибки, связанные со «слипанием» слов, что, указывает на необходимость тщательной проверки текста на предмет выявления ошибок и редактирование текста. Содержание статьи соответствует ее теме. Выводы статьи обоснованы, логически вытекают из приведенных аргументов. Автор выдвигает гипотезу, согласно которой субъективная информация, существующая в феноменальном мире индивида, тождественна той объективной информации, которая существует одновременно с ней в высших отделах его головного мозга. Согласно автору, его гипотеза опирается на принцип монизма, выявляет генетическую связь между всеми видами информации, создает методологическую основу для исследования вопроса о взаимосвязи процессов, протекающих в субъективном мире индивида, с физиологическими процессами, протекающими в его мозге.

Библиография статьи включает 17 библиографических источников, однако бросается в глаза некорректное оформление списка литературы, что, конечно, требует доработки. Литература не оформлена в алфавитном порядке. Автором не использованы результаты исследований проблемы информации, опубликованных в последние годы – труды Воскресенского А.К., Жолкова С.Ю., Слюсарева В.В. и др.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Автор рецензируемой статьи возвращается к вопросу о природе информации и

возможности её описания средствами языка философии. Сформулированная в столь общем виде, тема статьи может восприниматься как не слишком новаторская, однако, конкретное содержание статьи позволяет утверждать, что автор имеет собственный взгляд на множество научных и философских проблем, которые возникают в процессе обращения к определению и интерпретации этого понятия. Поэтому, по мнению рецензента, несмотря на частные замечания, которые возникают в процессе знакомства со статьёй, в целом её можно признать удачным опытом обращения к этой поистине фундаментальной теме (трудно было бы назвать другое научное понятие, которое в последние десятилетия столь быстро «набирало бы вес», как понятие информации). В качестве особенности представленного в работе подхода отметим то обстоятельство, что автор делает акцент именно на философской составляющей своего исследования, подчёркивает, что он разрабатывает «философскую теорию информации», опирается на терминологию классической философии, стремится выявить философское содержание связанных с «информацией» дискуссий, и т.п. Это крайне важно именно с точки зрения представителей «философского цеха», поскольку подтверждает значимость философии как методологической основы научного познания, то есть ту роль, которая не была утрачена философией несмотря на обильную и часто безадресную критику, которая раздавалась в отношении её места в культуре в последние два века. Укажем, однако, на характерные погрешности, которые автор мог бы в рабочем порядке устраниТЬ до публикации статьи. Так, он замечает, что сегодня «насчитывают около ста разных по смыслу определений термина «информация»» (подобные констатации иногда звучат и в отношении других понятий). Но что это значит? Если вспомнить формальную логику, на которую часто ссылается и сам автор, то «дать определение» означает раскрыть содержание понятия. Если сто разных авторов дают, действительно, различные определения, то из этого можно сделать только тот вывод, что никаким общезначимым смыслом в науке оно не обладает. Вряд ли мы примем такой результат. На наш взгляд, «суммируя» самые разные относящиеся к «информации» формулировки, автор зачисляет в «определения» и те из них, которые на эту роль вовсе не претендуют. Например, почему противопоставление информации материи или энергии следует считать определением этого понятия? Это просто противопоставление, и ничуть больше. Далее, автор, кажется, принципиально неверно понимает значение термина «гиломорфизм» (или «гилеморфизм»). У Аристотеля и тех, кто позднее к его взглядам апеллировал, этот термин указывает только на «двусоставность» единичной чувственно воспринимаемой вещи (у Аристотеля, кстати, это выражение дословно означает «со-целое»). Никакого отношения к оппозиции «дискретность – континуальность» этот термин не имеет. Аристотель, собственно, стремится понять, «где кончается» форма и начинается материя (вспомним знаменитый пример с «курносостью» Сократа). Ещё один пример некорректного использования аристотелевского словаря связан с понятием материи: «В эту чистую материю извне вносится чистая форма, и так возникает первичная оформленная материя». То, что автор называет «чистой материей», – это как раз «первоматерия», существующая лишь в возможности, а вот «оформленная материя» (пусть и «недостаточно оформленная») – это уже конкретная вещь, о чём, собственно, уже сказано выше. Разумеется, все подобного рода погрешности должны быть до публикации исправлены (формат рецензии просто не позволяет перечислить их, но текст в этом отношении нуждается в существенной доработке). Встречаются просто неудачные выражения («встают в отношения друг к другу»), пунктуационные ошибки («для ее разработки, вполне достаточно...»), хотя и тех, и других всё же не слишком много. Думается, однако, что все подобного рода исправления могут быть внесены в текст в рабочем порядке. В статье представлено оригинальное научно-философское содержание, она может быть рекомендована к печати.

